

Е.И. Вулах*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ: БАХРЕЙНСКИЙ ОПЫТ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Организация всеобъемлющих межпартийных переговоров в национальном масштабе как особое средство для прекращения внутреннего конфликта, преодоления его последствий и создания условий для мирного развития общества не является сама по себе новым феноменом. В то же время в последние годы этот формат, обобщенно обозначаемый термином «национальный диалог», получил новый импульс к развитию, в частности, в странах Азии и Африки, затронутых «Арабским пробуждением». При этом само определение национального диалога остается крайне размытым, среди теоретиков и практиков по-прежнему отсутствует четкое понимание его целей, механизмов и форм реализации. Для того чтобы приблизиться к пониманию сущности рассматриваемого феномена, в данной статье предпринимается попытка обобщить наиболее распространенные его определения и рассмотреть их на примере конкретного странового кейса. В качестве такого кейса в данной статье выступает национальный диалог, организованный властями Бахрейна в условиях «Арабского пробуждения». Автор приходит к выводу, что в самом общем виде под национальным диалогом следует понимать попытку объединить усилия всех конфликтующих сторон и субъектов политического процесса (как государственных, так и негосударственных) для содействия национальному консенсусу по ключевым вопросам урегулирования. Главной задачей и одновременно ключевой проблемой организации национального диалога в этой связи становится обеспечение максимальной инклюзивности. Решение этой задачи оказывается сопряжено с целым рядом как методологических, так и чисто практических вопросов: интересы каких именно политических сил (групп) необходимо учитывать, кто должен разрабатывать критерии и методы отбора непосредственных участников, как оценить их реальную репрезентативность и легитимность и т.д. Именно с этой точки зрения в статье рассматривается опыт Бахрейна в организации и проведении национального диалога. Подробно описаны подготовка, состав участников и ход переговоров. Автор заключает, что хотя традиционно опыт организации

* Вулах Елизавета Игоревна — лаборант-исследователь, аспирант Института востоковедения РАН (e-mail: liza.vulakh5@gmail.com).

национального диалога в Бахрейне характеризуется экспертами в лучшем случае как неудачный, более детальное его рассмотрение позволяет взглянуть на некоторые его аспекты по-новому. Тот факт, что его успех был весьма скромным, обусловлен как субъективными факторами (позицией правящих элит и противостоявших им политических сил), так и объективными (сохранившимся высоким уровнем конфликтности и поляризации общества). Тем не менее опыт проведения такого диалога все же позволил снизить политическую напряженность в стране и, возможно, будет использован впоследствии.

Ключевые слова: национальный диалог, инклюзивность, участие, постконфликтное урегулирование, Бахрейн, демократизация, «Арабское пробуждение».

События 2011 г. на Ближнем Востоке, обычно обозначаемые в отечественной и зарубежной литературе как «арабская весна», или «Арабское пробуждение», придали мощный импульс трансформации политических режимов практически во всех странах региона¹ [подробнее см.: Долгов, 2017; Кузнецов, Звягельская, 2015; Наумкин и др., 2016а, 2016б]. При этом на характер и результаты этих трансформационных процессов наложили отпечаток неизменно высокий уровень политического насилия и социальной протестности в 2010-е годы и сохраняющаяся уязвимость (fragility) политических систем [Бартенев, 2017], которые значительно усложнили саму структуру конфликтов на Ближнем Востоке [Звягельская, 2017]. Эти обстоятельства, дополняемые очевидными негативными последствиями иностранных вмешательств и провалом попыток разрешения конфликтов извне, заставили арабские элиты искать новые форматы урегулирования внутривосточной ситуации. Одним из них стал формат национального диалога (НД). В последние годы он получил распространение во множестве ближневосточных государств, попытки его проведения с той или иной степенью эффективности предпринимались в Тунисе, Йемене, Судане, Ливии, Сирии и, конечно же, в Бахрейне, где он, хотя и не увенчался успехом, был по-своему пионерским для региона.

В рамках настоящей статьи, начав с анализа методологических подходов к организации НД, мы рассмотрим бахрейнский опыт

¹ См. об этом подробнее: Кузнецов В.А. Арабский мир между насилием и согласием // РСМД. 12.01.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskiy-mir-mezhdu-nasiliiem-i-soglasiiem/> (дата обращения: 16.07.2019).

использования этого механизма и попытаемся выявить основные проблемные узлы его применения. Как представляется, это может помочь уточнить некоторые методологические подходы к исследованию феномена НД в целом.

В академической литературе этой проблематике уделяется мало внимания. В русскоязычной историографии комплексных работ, посвященных НД, до сих пор издано не было, в западной же исследователи делают акцент на прикладных аспектах применения данного механизма либо анализе конкретного эмпирического опыта. Так, на вопросах практической реализации НД специализируются такие аналитические центры, как германский Berghof Research Centre for Constructive Conflict Management, швейцарский Center for Humanitarian Dialogue, английский International Dialogue on Peacebuilding and Statebuilding, швейцарский SwissPeace и некоторые другие. Что касается обобщения конкретного эмпирического опыта, то надо упомянуть работы Ф. Эбусси Булага, посвященные Конго и Бенину [Eboussi Boulaga, 2009], К. Шмитца [Schmitz, 2014], изучившего йеменский кейс, доклады аналитиков International Crisis Group по Судану [Ben Salem, 2016]², наконец, целый ряд публикаций по Тунису³.

Непосредственно опыту Бахрейна посвящено не так много работ. Среди них стоит отметить публикации Э. Факро [Fakhro, 2013], Дж. Мориц [Moritz, 2015], Дж. Киннинмонт и О. Сири [Kinninmont, Sirri, 2014].

Изучение бахрейнского НД дополнительно осложняется современным состоянием источниковой базы. Berghof Research Centre for Constructive Conflict Management и другие аналитические центры, освещающие опыт этой страны, в своих более ранних докладах (2015–2017) оперировали данными статистики,

²Sudan: The prospects for ‘national dialogue’ // International Crisis Group. 2015. Available at: <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/sudan/sudan-prospects-national-dialogue> (accessed: 16.07.2019).

³Haugbølle R., Ghali A., Yousfi H. et al. Tunisia’s 2013 national dialogue: Political crisis management // Berghof Foundation. 2017. Available at: https://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Other_Resources/NationalDialogue/NDH_Tunisia.pdf (accessed: 16.07.2019); Brumberg D. Could Tunisia’s national dialogue model ever be replicated? // The Washington Post. 12.10.2015. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/10/12/could-tunisias-national-dialogue-model-ever-be-replicated/> (accessed: 16.07.2019); Marks M. What did Tunisia’s Nobel laureates actually achieve? // The Washington Post. 27.10.2015. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/10/27/what-did-tunisias-nobel-laureates-actually-achieve/> (accessed: 16.07.2019).

представленными на официальном сайте Национального диалога в Бахрейне. Однако, к сожалению, на сегодняшний момент этот официальный источник информации закрыт.

В связи со столь специфической историографической ситуацией, очевидным дефицитом исследований как по механизмам НД в целом, так и по собственно бахрейнскому опыту их применения целесообразно, на наш взгляд, начать с рассмотрения общих подходов к этому феномену, затем проанализировать существующие методологические наработки по организации и проведению НД и, наконец, оценить, насколько они применимы к бахрейнскому материалу.

Национальный диалог: не просто слова?

Национальный диалог не был изобретен на Ближнем Востоке. Еще до появления этого понятия схожие с ним механизмы, по-разному называвшиеся, применялись в совершенно разных странах и ситуациях на протяжении нескольких последних столетий, прежде всего в ситуациях политических транзитов.

Рассуждая об исторических корнях этого явления и ссылаясь на работы Х. Арендт [Arendt, 1990], эксперты женевского центра Inclusive Peace & Transition Initiative Т. Паффенholz, А. Захариссен и С. Хелфер упоминают разработку Конституции США 1787 г., в которой принимали участие представители всех штатов, имевшие совершенно разные позиции в отношении стратегии национального развития [Paffenholz et al., 2017: 15]. Признавая остроумность подобных исторических реминисценций, стоит все же признать, что при таком подходе с не меньшим успехом корни НД можно найти в Земских соборах Русского царства, племенных советах трайбилистских обществ и вообще едва ли не повсюду.

Исследователи М. Лунд и С. Сантисо приводят в пример период деколонизации, когда в молодых независимых государствах Азии и Африки проводились всеобъемлющие межпартийные переговоры в национальном масштабе, ставившее задачей определение параметров новых политических систем [Lund, Santiso, 1998: 262]. В то время создание представительных учредительных ассамблей, которые объединяли экспертов, политиков и ключевые группы зарождавшегося гражданского общества (при всей условности применения этого термина к рассматриваемой ситуации), для обсуждения и разработки планов политического будущего на консенсусной основе было явлением довольно широко распространенным (в Шри-Ланке в 1972 г., в Папуа — Новой

Гвинею в 1975 г., в Пакистане в 1947–1954 гг. [Lund, Santiso, 1998: 262]). Интересным примером подобного опыта было принятие Конституции Индии (1949) в результате трехлетнего обсуждения и дебатов в Учредительном собрании.

Уже в начале 1990-х годов в процессе формальной демократизации ряда африканских государств в них прошла целая волна национальных конференций, на которых определялись основные параметры новых политических систем [Santiso, 1998]. И хотя последующие события породили немалый скепсис относительно перспектив африканских демократий, сами всеобъемлющие политические переговоры в Бенине, Того, Конго, Нигере, Мали, Заире и других странах позволили в какой-то момент решить целый ряд острых проблем и потому не могут быть признаны однозначно провальными [Robinson, 1994].

В те же годы подобные инструменты применялись и в некоторых странах Латинской Америки, в частности в Боливии и Колумбии; а десятилетием позже — в Афганистане, где в 2003 г. на основе Боннского соглашения была проведена Чрезвычайная и конституционная Лойя-джирга [Pruitt, Thomas, 2007].

Наконец, в 2010-е годы практика организации инклюзивных переговоров, уже получивших название НД, стала распространяться и на Ближнем Востоке.

Пионером здесь стал Бахрейн, где этот процесс был инициирован властью для смягчения напряженности в ходе «Арабского пробуждения». Через два года, в марте 2013 г., Конференция национального диалога стартовала в Йемене в рамках реализации инициативы Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [Gaston, 2014]. Она должна была запустить двухлетний переходный процесс для прекращения конфликта в стране, однако, инициированная внешними силами, потерпела неудачу. Осенью того же года НД в Тунисе вывел этот формат на передний план регионального развития⁴. Позже были предприняты попытки организовать подобные процессы в Сирии и Ливии.

Так, в январе 2018 г. в Сочи при поддержке Москвы, Анкары и Тегерана был проведен Конгресс сирийского народа⁵. В нем

⁴ Boost for Arab Spring: Tunisian National Dialogue Quartet wins Nobel Peace Prize // CNN. 09.10.2015. Available at: <https://edition.cnn.com/2015/10/09/world/nobel-peace-prize/index.html> (accessed: 16.07.2019).

⁵ Kuznetsov V. Can Geneva build on Syrian peace talks in Sochi? // Al-Monitor. 09.02.2018. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/02/syria-settlement-process-next-sochi-russia.html> (accessed: 16.07.2019).

приняли участие более тысячи представителей гражданского общества Сирии, которые сумели в результате сложных переговоров выработать предложения по политическому урегулированию и созданию Конституционного комитета в рамках Женевского мирного процесса.

В случае с Ливией [van Lier, 2017] еще с 2013 г. предпринималось несколько попыток запустить НД (традиционно в литературе этот опыт называют Национальной конференцией). На различных этапах этого процесса его сторонниками выступали как сами участники конфликта, так и Миссия ООН по поддержке Ливии. В конечном счете необходимость проведения Национальной конференции сначала в 2018 г., а затем в 2019 г. была обозначена в «Плане действий по Ливии», разработанном спецпосланником Генерального секретаря ООН Гасаном Саламе⁶. Подготовка конференции была отдана на аутсорсинг⁷ базирующейся в Швейцарии международной организации «Центр гуманитарного диалога», имевшей опыт в такого рода работе. Руководитель ее программы по Ближнему Востоку и Северной Африке Ромен Гранжан отмечал, что планировавшаяся конференция должна была представлять собой не единичное событие, проведение которого намечалось на середину апреля 2019 г., а продолжение консультаций на разных уровнях, начавшихся полугодом ранее. Участие в них могли принимать жители всей страны даже через социальные сети⁸.

Обострение военно-политической ситуации в Ливии весной 2019 г., тем не менее, прервало этот процесс.

Таким образом, можно видеть, что форматы и механизмы, постепенно распространившиеся по всему миру, которые часто обобщенно обозначают термином «национальный диалог», могут иметь совершенно разные очертания в разных странах и ситуациях. Такой диалог может инициироваться властью, оппозицией, международным сообществом или внешними игроками. Он может реализовываться как единичное событие или пролонгированный процесс. Участие в нем могут принимать и несколько сотен человек, и несколько тысяч. Они могут представлять и политические партии, и традиционные социальные группы, и гражданское общество. Единственное, что объединяет

⁶ Ливийцев втягивают в национальный диалог // Коммерсантъ. 05.04.2018. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3593640> (дата обращения: 16.07.2019).

⁷ Из интервью автора с Роменом Гранжаном в июне 2019 г.

⁸ Там же.

все рассматриваемые случаи, — это стремление решить внутриполитический конфликт (явный или скрытый) посредством всеобъемлющих переговоров, направленных на выработку общего представления о стратегии национального развития.

Тем не менее отмеченное разнообразие форм, отсутствие четких критериев и параметров заставляет задаться методологическим вопросом: является ли НД специфическим механизмом урегулирования конфликта, основывающимся на некоей особой методологии, или же просто словосочетанием, произвольно применяемым к самым разным ситуациям?

Несуществующая методология

Многочисленные авторы, пытаясь определить суть феномена НД, обращают внимание на самые разные его черты. Одни из них делают акцент на функциях НД, другие — на его механизмах, третьи — на параметрах проведения и т.д.

Эксперты Организации американских государств, например, определяют НД просто как процесс, используемый «для решения социально-политических и экономических вопросов, которые не могут быть адекватно и эффективно урегулированы правительственными учреждениями самостоятельно» [Pruitt, Thomas, 2007: 19].

Представители Berghof Foundation понимают НД как «национальные политические процессы, направленные на достижение консенсуса между широким кругом заинтересованных сторон в период глубокого национального политического кризиса, в послевоенных ситуациях или в ходе далеко идущих политических преобразований» [Planta et al., 2015: 5].

Уже упоминавшиеся ранее исследователи Т. Пафенхольц, А. Захариассен и С. Хелфер рассматривают НД как «инклюзивные, многопартийные переговоры, проводимые для управления политическими переходами в периоды кризиса и нестабильности государств. Помимо основных конфликтующих сторон предполагается участие широких слоев общества, включая политические партии, гражданское общество, женщин, молодежь, представителей деловых кругов, а также религиозных и традиционных акторов» [Paffenholz et al., 2017: 9].

Они же выделяют некоторые общие параметры этого формата. С их точки зрения, НД:

- обеспечивает инклюзивность и широкое представительство в рамках переговоров;

- имеет четкую структуру, а также определенные правила и процедуры проведения диалога и принятия решений;
- может длиться от нескольких дней до несколько лет;
- принимает форму консультаций, комиссий для решения проблем высшего уровня, семинаров и/или референдумов;
- способствует формированию чувства сопричастности к процессу принятия решений, обеспечивая представительство широкой палитры общественных масс [Paffenholz et al., 2017: 8].

Таким образом, суммируя перечисленные определения, можно сказать, что НД — это попытка объединить усилия всех конфликтующих сторон и субъектов политического процесса (как государственных, так и негосударственных) для содействия национальному консенсусу по ключевым вопросам урегулирования.

В идеале НД должен быть платформой для укрепления доверия, обучения, дискуссий и принятия решений — площадкой для обновления «общественного договора».

В целом можно выделить три ключевых методологических вопроса относительно организации НД:

1) **размер и состав**: насколько инклюзивен должен быть НД, как следует отбирать представителей?

2) **полномочия и мандат НД**: каково отношение его участников к существующему государству и таким правительственным институтам, как парламент и правительство, каковы полномочия НД по принятию решений?

3) **независимость НД**: должны ли принятые в его рамках решения быть ратифицированы существующей властью или они являются автономными и окончательными?

Определяющий нарратив НД — его инклюзивность [Planta et al., 2015], однако именно с ней связаны наиболее сложные проблемы.

В. Дудоэт и С. Лундстром из Berghof Foundation оценивают инклюзивность с точки зрения «степени доступа к различным площадкам политического урегулирования всех слоев общества, а не только самых могущественных <...> элит», причем речь идет о доступе как к «участию (прямо или косвенно) в принятии решений, так и к процессу их реализации» [Dudouet, Lundström, 2016: 8].

Если рассматривать с этих позиций трансформационные процессы на Ближнем Востоке после событий «Арабского пробуждения», то можно заключить, что вопросы расширения

политического участия, модернизации политических систем, проведения выборов на более конкурентной, нежели ранее, основе действительно заняли там центральное место. При этом стратегии ответов на сопряженные с этими тенденциями вызовы были иногда противоположными: от широкой демократизации, как в Тунисе, до ужесточения политического режима и криминализации наиболее активных сегментов оппозиции, как в Египте.

Пример Туниса особенно показателен. Как отмечает отечественный эксперт В.А. Кузнецов, в рамках НД, положившего конец противостоянию власти и оппозиции в этой стране, активизация гражданского общества привела «к развитию принципа согласия или компромисса (*таваффук*), который предполагает принятие политических решений не по итогам победы одной из сторон противостояния, а в процессе поиска договоренностей между ними»⁹.

В то же время подобные диалоговые форматы консенсусного типа сталкиваются с серьезной проблемой: как на практике организовать интеграцию в переговорный процесс всех многочисленных социальных и политических групп, которые хотя и не просто участвовать в обсуждениях, но и влиять на принятие решений.

В результате задача обеспечения максимальной инклюзивности порождает целый ряд дополнительных как методологических, так и совершенно прикладных вопросов.

1. Интересы каких именно политических сил (групп) необходимо учитывать в конкретной ситуации? Если рассматривать политические режимы сквозь призму теории социальных порядков Дугласа Норта [Норт и др., 2011], то порядки ограниченного доступа, или «естественные государства», коими являются все страны Ближнего Востока, выстраиваются таким образом, что элитные группы, обеспечивая и гарантируя друг другу доступ к получению ренты и возможность ее распределения, ограничивают доступ к ней для остальных групп населения. Личные отношения при этом составляют основу выстраивания социальных связей — через них формируются господствующие коалиции, состоящие из элитных групп, договоренности между которыми

⁹ Кузнецов В.А. Арабский мир между насилием и согласием // РСМД. 12.01.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskiy-mir-mezhdu-nasiliiem-i-soglasiiem/> (дата обращения: 16.07.2019).

обеспечивают стабильность системы и позволяют избегать насилия [Кузнецов, 2018: 10]. Но когда эти силы плохо консолидированы, происходит раскол: появляются альтернативные лидеры второго и третьего порядка, которые до этого были исключены из процесса и теперь хотят влиять на принятие решений.

2. На этом основании возникает вопрос статусности участников НД, их способности реально организовывать политический процесс, от ответа на который зависит и степень реальной инклюзивности переговоров. НД может включать как 300 человек (в случае Бахрейна), так и 1000 (в Афганистане) и все же оставаться нерепрезентативным. Иными словами, необходимо учитывать не только количество участников, но и их «качество».

3. В этой связи неизбежно возникает проблема разработки критериев (кем они должны разрабатываться?) и методов отбора непосредственных участников НД. Как отмечает К. Пападжианни, тот факт, что группы, ответственные за подготовку НД, назначаются либо временным, либо действующим правительством, которому зачастую не хватает легитимности, процесс отбора участников чреват разногласиями [Papagianni, 2014].

Разработка метода отбора акторов для участия в процессах НД является сложной задачей: политические связи изменчивы, членство в гражданских и политических организациях трудно проверить. В отсутствие прямых выборов, на которых каждый взрослый гражданин имеет право голосовать, создание представительного, справедливого, законного и эффективного процесса отбора представляется весьма сложным.

Кроме того, неизбежно возникают вопросы об авторитете и легитимности тех, кто развивает методику отбора участников. В конечном счете состав НД становится результатом длительных и детальных переговоров между ключевыми политическими силами.

Метод отбора участников диалога обычно требует проведения нескольких этапов. Зачастую это очень непрозрачный и спорный процесс. На практике существовало четыре сценария его осуществления.

Во-первых, были попытки реализовать НД при помощи ООН или других международных организаций. Так, йеменский сценарий был разработан силами ССАГПЗ, а ливийский — ООН. Однако оба они не были успешными, в том числе из-за навязывания третьей стороной своего мнения.

Во-вторых, альтернативой этому сценарию является организация НД непосредственно силами национальных правительств. Подобный подход продиктован стремлением сократить возможности для внешнего вмешательства, которое зачастую оборачивается неконтролируемым ухудшением ситуации в охваченной конфликтом стране [Наумкин, 2015: 72]. Однако в таких случаях НД терпит неудачу из-за его «захвата» со стороны власти.

В-третьих, постконфликтное урегулирование может носить исключительно элитарный характер. Именно этот формат свойствен странам Ближнего Востока, однако, как отмечают отечественные исследователи, в последние годы «заметным трендом в развитии ближневосточной государственности стала растущая значимость демократических процедур» [Звягельская и др., 2018: 7].

Наконец, в-четвертых, отдельного упоминания заслуживает беспрецедентный в своем роде опыт Сирии, для которой НД был успешно проведен на сторонней, не национальной площадке — Сочи — при посредничестве России. Но вопрос, получит ли этот процесс развитие в рамках национального государства, остается открытым.

Описанные трудности серьезно сказываются на эффективности НД как особого формата постконфликтного урегулирования. Зачастую такой диалог не затрагивает фундаментальных основ существующего режима и носит лишь «косметический характер», а его результаты иногда оказываются и вовсе неосвязаемы.

В других случаях НД может и достичь всех своих формальных целей, но, по сути, потерпеть неудачу, поскольку в него не были включены основные политические силы страны. К сожалению, существует длинный список НД, которые не имели никакого долгосрочного воздействия: Ирак, Афганистан, Египет, Того, Йемен, Бахрейн, Свазиленд, Судан — и это лишь некоторые из них.

С полной уверенностью можно отметить, что, пожалуй, наиболее выдающаяся характеристика НД — это их ошеломляющая сложность. Однако сам факт появления и распространения этого формата на Ближнем Востоке говорит о наличии у истеблишмента стран региона понимания необходимости преобразований.

Далее будет рассмотрен опыт Королевства Бахрейн в организации и проведении НД. Для этого мы проанализируем его ключевые характеристики: размер и состав, полномочия и мандат участников, независимость в принятии решений.

Бахрейнский кейс

Политическая обстановка в Бахрейне была накалена еще до развернувшихся в Тунисе и Египте событий, потрясших арабский мир. Конечно, во многом волнения в королевстве были инспирированы событиями на площади Тахрир в Каире. Кафе в Манаме были завешаны вдохновляющими фотографиями восстаний, бросивших вызов многолетнему правлению авторитарных лидеров.

Изначально демонстрации в Бахрейне не были массовыми и в основном проводились в шиитских деревнях за пределами Манамы [Мелкумян, 2012: 242]. Протесты, начавшиеся 14 февраля 2011 г., носили ограниченный характер, а демонстранты не требовали свержения правительства.

О подготовленности этих выступлений говорит дата их начала — 14 февраля, «День гнева»¹⁰. Эта дата была выбрана неслучайно: она имеет большое символическое значение для становления современной бахрейнской государственности: в 2001 г. в этот день состоялся референдум за Хартию национального действия¹¹, а спустя год Бахрейн стал королевством.

Как и планировалось, 14 февраля 2011 г. на протяжении всего дня проходили массовые выступления, в них участвовали более 6 тыс. человек [Fattahi, 2012: 2]. Основной точкой демонстраций стала Жемчужная площадь в центре Манамы, однако обстановка оставалась относительно спокойной.

Инициатором протестов была анонимная группа в «Facebook», названная «Революция 14 февраля в Бахрейне» («February 14th Revolution in Bahrain»)¹². Ее участники выступали за демократизацию государственной системы, переход к конституционной монархии, обеспечение более широкого политического участия и подотчетности власти. Для достижения поставленных целей предлагалось принять ряд политических мер [Fattahi, 2012: 2], в частности распустить Национальное собрание, отменить действующую Конституцию, сформировать Учредительное собрание для разработки проекта нового основного закона. Он

¹⁰ Оппозиция Бахрейна планирует провести «День гнева» // Вести.Ru. 25.03.2011. Доступ: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=439295> (дата обращения: 19.02.2019).

¹¹ Хартия Национального действия была подготовлена в 2001 г. по инициативе короля Бахрейна. Этот документ предусматривал переход к конституционной монархии и создание избираемого законодательного органа.

¹² 14th February 2011 Revolution Day in Bahrain // Facebook. Available at: <https://www.facebook.com/Rage.Day.14Feb/> (accessed: 18.02.2019).

в свою очередь должен был включать следующие положения: законодательная власть полностью передается парламенту, все члены которого должны избираться; исполнительную власть осуществляет выборный премьер-министр; Бахрейн объявляется конституционной монархией во главе с семьей Аль Халифа, однако членам королевской семьи запрещено монополизировать руководящие должности во всех трех ветвях власти¹³.

Во властных структурах не было единства в отношении способов стабилизации ситуации. Наследник престола шейх Салман бен Хамад Аль Халифа был сторонником переговоров с оппозицией. Его поддерживал министр иностранных дел Халед бен Ахмед бен Мухаммед Аль Халифа. Премьер-министр страны Халифа бен Салман Аль Халифа выступал за принятие репрессивных мер. Его сторонниками были главнокомандующий силами обороны Бахрейна Халифа бен Ахмед Аль Халифа и его брат, министр Королевского суда Халед бен Ахмед Аль Халифа [Moritz, 2015: 9].

В итоге после разгона силами безопасности протестов оппозиционных групп, в том числе движения «Молодежь 14 февраля», призывавшего бахрейнцев выйти на улицы и потребовать проведения более эффективных политических и экономических реформ, в королевстве был начат национальный диалог.

В отличие от Туниса, где он был организован силами гражданского общества, или Йемена, где основными инициаторами процесса стали внешние силы, в Бахрейне организатором НД выступила именно власть. Основное внимание при этом уделялось не столько фундаментальным изменениям в общественно-политической системе, сколько устранению внутренних разногласий. Официальный лозунг НД гласил: «Наш Бахрейн. Наше единство».

Еще до начала переговорного процесса его организаторы разработали ряд базовых принципов будущего диалога. К их числу относились транспарентность, приверженность достижению общей позиции и готовность извлекать уроки из прошлого опыта. В процедуре НД были прописаны правила обсуждения, включавшие уважение точки зрения другого, четкое и сжатое выражение своего мнения, рассмотрение конкретных вопросов,

¹³ Bassiouni M.Ch. Report of the Bahrain Independent Commission of Inquiry // Bahrain Independent Commission of Inquiry. 2011. Available at: <http://www.bici.org/bh/BICIreportEN.pdf> (accessed: 18.02.2019).

а также недопущение предубеждений в отношении другого и содействие достижению консенсуса [Blunck et al., 2017]. Предполагалось, что решения будут приниматься на консенсусной основе.

Для преодоления разногласий и недопущения срыва переговоров, если не удастся достичь полного единения позиций, были предусмотрены различные формулы согласования и утверждения принятых решений:

1) «полная совместимость»: все участники поддержали или хотя бы приняли предложение;

2) «большинство, за некоторым исключением»: стороны, не поддерживающие решение, не блокируют его, а направляют письменное заявление о своем несогласии в Комитет;

3) сценарий «сохраняющиеся различия», который включал несколько вариантов:

- Комитет пытается найти решение, удовлетворяющее всех участников;

- несогласные стороны вырабатывают собственные позиции по вопросу;

- Комитет будет вырабатывать консенсусное решение [Blunck et al., 2017: 206].

Эти правила оказались малоэффективными и были реализованы лишь частично. События на улицах страны развивались быстрее, чем за столом переговоров. Отношение общества к НД также было неоднозначным. В своем интервью «Аль-Джазире» Набиль Раджаб, правозащитник и руководитель бахрейнского Центра по правам человека, сказал: «Я не думаю, что король сам способен на формирование независимого и транспарентного комитета, [будучи тем самым] человеком, который провозгласил чрезвычайное положение и ответствен за большинство преступлений против человечества, совершенных в нашей стране»¹⁴.

Параллельно правительство выступило с призывом провести конференцию по НД с 1 по 28 июля 2011 г. Модератором стал спикер парламента Халифа бен Ахмед Аль-Дахрани.

В конференции приняли участие представители различных социальных слоев бахрейнского общества, всего 300 делегатов¹⁵.

¹⁴ Bahrain king orders 'fact-finding' committee // Al Jazeera. 29.06.2011. Available at: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/06/2011629152020114612.html> (accessed: 14.03.2019).

¹⁵ More than 300 organisations have registered at Bahrain's historic national dialogue // Bahrain News Agency. 03.07.2011. Available at: <http://bna.bh/portal/en/news/463412> (accessed: 14.03.2019).

В их число вошли 70 «общественных деятелей», все 40 членов Совета Шуры¹⁶ страны, представители 5 газет, 8 профсоюзов и 31 профессиональной гильдии. В диалоге участвовали также члены 19 политических обществ. Оппозиционным группам было предоставлено в общей сложности 35 из более чем 300 мест. Это спровоцировало критику НД оппозицией, посчитавшей такой уровень представительства недостаточным. В частности, как заявляла «Аль-Вифак», главная шиитская оппозиционная организация, выделенные ей 5 мест не отражают того факта, что она занимала 40% выборной палаты парламента.

Были созданы 4 рабочие группы: по политическим, экономическим, социальным вопросам, а также по проблемам женщин и семей¹⁷. Каждая включала до 50 человек. Обязательно должны были присутствовать три члена Совета Шуры и один представитель правительства. Участники могли сами себе выбрать рабочую группу.

В рамках рабочих групп обсуждались проекты и подготавливались рекомендации для рассмотрения на сессиях Генерального комитета¹⁸.

Однако при организации диалога власти сделали ставку на сторонников правительства¹⁹ и лиц, не имевших реального политического веса.

О неэффективности предстоявшего диалога говорил и состав участников. Представители оппозиции изначально были настроены на «монолог» проправительственных сил. Через 15 дней переговоров «Аль-Вифак» отказалась²⁰ участвовать в НД, назвав его неэффективным²¹. О возможности выхода из него пред-

¹⁶ Консультативный совет (Маджлис аль-Шура) — верхняя палата Национального собрания Бахрейна, главного законодательного органа страны.

¹⁷ Bahrain national dialogue proposals, executive summary. 28.07.2011 // The University of Edinburgh. Available at: <https://www.peaceagreements.org/view/1415/Bahrain%20National%20Dialogue%20Proposals,%20Executive%20Summary> (accessed: 12.07.2019).

¹⁸ Blunck M., Vimalarajah L., Wils O. et al. National dialogue handbook. A guide for practitioners. Berlin: Berghof Foundation, 2017. P. 206.

¹⁹ Bahrain's main opposition party withdraws from 'national dialogue' // CNN. 18.07.2011. Available at: <http://edition.cnn.com/2011/WORLD/meast/07/18/bahrain.unrest/index.html> (accessed: 12.07.2019).

²⁰ Ibidem.

²¹ Bahrain opposition struggles with next steps // Al Jazeera. 27.11.2011. Available at: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2011/11/20111127111738195733.html> (accessed: 15.04.2019).

ставители организации заявили заранее. Али Салман, лидер оппозиционного движения, выступил с речью, в которой первоочередным условием участия в переговорах назвал выполнение основных требований оппозиции, прежде всего освобождение всех заключенных²².

Все реформы до НД сводились к следующему:

- обеспечение безопасности в стране путем подавления «чрезмерной силы» демонстрантов, выступавших с призывами к реальным реформам;
- проведение политики, направленной на удовлетворение интересов лишь одной части общества (что только усугубляло его поляризацию и фрагментацию на религиозной почве)²³;
- укрепление своих политических позиций путем натурализации иностранцев²⁴;
- сглаживание «углов» посредством «косметического» совершенствования режима и отказ от реализации каких-либо существенных реформ.

В рамках НД были выработаны рекомендации правительству, которые были реализованы в принятых им поправках к Конституции. Речь шла о реформе политической системы, мерах по борьбе с коррупцией, сбалансированной политике приватизации и повышении экономической конкурентоспособности, укреплении гражданских организаций, улучшении социальных услуг и дальнейшей ратификации норм и конвенций в области прав человека.

Согласно новому тексту Конституции нижняя палата парламента могла принять решение о невозможности продолжать сотрудничество с премьер-министром. После этого она передает этот вопрос на рассмотрение королю, за которым сохраняется

²² Bahrain national dialogue begins // Al Jazeera. 02.07.2011. Available at: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/07/20117214754858684.html> (accessed: 15.04.2019).

²³ Bahrain's rocky road to reform: Popular protest in North Africa and the Middle East // International Crisis Group. 2011. P. 4. Available at: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/bahrain/popular-protest-north-africa-and-middle-east-viii-bahrain-s-rocky-road-reform> (accessed: 15.04.2019).

²⁴ Ibid. Оппозиция обвиняла власть в том, что бахрейнское гражданство стало политическим инструментом, используемым для того, чтобы увеличить число лояльно настроенных по отношению к правящим властям граждан. Гражданство королевства стало предоставляться суннитам из других стран, а также политически благонадежным иностранцам, которые поступали на службу в вооруженные силы или спецслужбы Бахрейна.

право принятия окончательного решения. Он может отправить главу правительства в отставку или же сохранить его на этом посту. В целом процедура отставки премьер-министра по решению парламента была значительно облегчена²⁵.

В предложенных поправках говорилось, что декрет короля о роспуске парламента должен содержать изложение причин, по которым он был распущен. Кроме того, должно быть выслушано мнение председателя Консультативного совета, председателя Совета депутатов и председателя Конституционного суда. Парламент не может быть распущен на основании одних и тех же причин дважды. Относительно контрольных функций нижней палаты в предложенных поправках содержалось положение, которое давало ей возможность по требованию пяти депутатов ставить на обсуждение общую политику правительства²⁶.

Рекомендации НД были переданы королю, а им в свою очередь — в соответствующие инстанции для реализации.

В мае 2012 г. они были опубликованы и касались четырех основных сфер: социальной, политической, экономической и прав человека. Некоторые меры должны были осуществляться королевским указом, другие — переданы парламента и министерствам для дальнейшей разработки и имплементации. Предполагалось, что каждое учреждение будет отчитываться о ходе осуществления реформ.

Парламентская оппозиция отвергла предложенные поправки. Она требовала, чтобы правительство формировалось из числа избранных депутатов, а премьер-министр представлял парламентскую фракцию, получившую большинство мест в парламенте. Если бы эти требования были приняты, то правящая семья лишилась бы своей монополии на власть, так как министерские посты, включая пост премьер-министра, традиционно распределялись исключительно между ее представителями²⁷.

Протестные движения продолжались с разной степенью интенсивности и в последующий период.

²⁵ Король Бахрейна внес поправки к конституции для прекращения протестов // Российская газета. 04.05.2012. Доступ: <http://rg.ru/2012/05/04/bahrein-anons.html> (дата обращения: 16.04.2019).

²⁶ Сапронова М.А. Об изменениях конституции Бахрейна в контексте истории бахрейнского парламентаризма // Институт Ближнего Востока. 12.05.2012. Доступ: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/12-05-12a.htm> (дата обращения: 18.04.2019).

²⁷ Там же.

После 18 месяцев протестов 10 февраля 2013 г. была предпринята попытка возобновить национальный диалог, но в сентябре того же года наиболее оппозиционно настроенные его участники²⁸ заявили о своем выходе, протестуя против ареста одного из делегатов — Халила ал-Марзука [Moritz, 2015: 5]. Эта инициатива была официально прекращена правительством 8 января 2014 г.

* * *

Национальный диалог стал популярным инструментом для восстановления легитимности власти и сохранения политической стабильности в стране.

Однако, как правило, НД сталкивается с тремя проблемами: ограниченной степенью инклюзивности, неопределенностью его полномочий и мандата, а также трудностями в выстраивании взаимоотношений с существующими властными институтами.

Несмотря на то что традиционно опыт проведения НД в Бахрейне характеризуется экспертами в лучшем случае как неудачный, более детальное его рассмотрение позволяет взглянуть на некоторые его аспекты по-новому.

Во-первых, можно по-разному оценивать степень инклюзивности бахрейнского процесса (учитывая существующую неопределенность терминологии).

С одной стороны, власть королевства действительно пыталась привлечь к диалогу не только основные политические организации и представителей лояльных сил, но и довольно неожиданных для традиционного общества участников — лидеров гражданского общества. В отличие от Туниса, где именно последние инициировали НД, в Бахрейне их участие осталось маргинальным, хотя, возможно, и позволило повысить легитимность процесса в глазах модернизированных слоев населения.

С другой стороны, в НД не были вовлечены напрямую представители традиционных структур бахрейнского общества (племен, кланов) и религиозные лидеры, а через 10 дней после начала диалога от участия в нем отказались и основные оппозиционные силы.

Можно заключить, что, расширяя состав участников переговорного процесса, власти королевства попытались трансфор-

²⁸ Восемь представителей оппозиционных группировок, близких к «Аль-Вифак», восемь участников лоялистских группировок, еще пять представителей Национального собрания.

мировать диалог «власть—оппозиция» в общегражданский, в чем объективно не была заинтересована сама оппозиция, пытавшаяся монополизировать политическую повестку. Подобные действия властей ее размывали.

Во-вторых, к числу недостатков бахрейнского НД действительно можно отнести отсутствие у него четко определенного мандата. Все принимаемые решения основывались на доверии общества к власти. Вместе с тем в условиях сохранявшегося высокого уровня конфликтности и поляризации общества его и не могло быть.

Наконец, в-третьих, пожалуй, основной проблемой НД стало полное отсутствие независимости. Власти королевства изначально контролировали весь переговорный процесс, а после и вовсе были обвинены оппозицией в его захвате.

В итоге дать однозначную оценку эффективности бахрейнского опыта НД достаточно сложно. Как уже было сказано, наблюдателями он рассматривается скорее скептически. Общество по-прежнему глубоко разделено, так и не было намечено путей преодоления относительно высокой степени его поляризации, стратегии поведения традиционных политических элит также не изменились. Но опыт организации такого переговорного формата все же позволил снизить уровень конфликтности и, возможно, будет использован впоследствии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.

2. Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД, 2017.

3. Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и игроки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 16–24.

4. Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2018.

5. Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 3. С. 6–23. DOI: 10.7868/S0869190818030019.

6. Кузнецов В.А., Звягельская И.Д. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 18–31.

7. Мелкумян Е.С. Малые государства Персидского залива // Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 240–258.

8. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

9. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016.

10. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016.

11. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

12. Arendt H. On revolution. London: Penguin books, 1990.

13. Ben Salem M. The national dialogue, collusive transactions and government legitimacy in Tunisia // The International Spectator. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 99–112. DOI: 10.1080/03932729.2016.1126997.

14. Blunck M., Vimalarajah L., Wils O. et al. National dialogue handbook. A guide for practitioners. Berlin: Berghof Foundation, 2017.

15. Dudouet V., Lundström S. Post-war political settlements from participatory transition processes to inclusive state-building and governance. Berlin: Berghof Foundation, 2016.

16. Eboussi Boulaga F. Les conférences nationales en Afrique noire — Une affaire à suivre. Karthala, 2009. Available at: <http://www.karthala.com/2073-les-conferences-nationales-en-afrique-noire-une-affaire-a-suivre.html> (accessed: 15.04.2019).

17. Fakhro E. Bahrain's national dialogue faces a stalemate. Al Jazeera Center for Studies, 2013. Available at: <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2013/10/2013101091036321935.html> (accessed: 15.04.2019).

18. Fattahi L. Nonviolent action strategy: Lessons from Bahrain's demonstration movement // Al Nakhlah. Medford: Tufts University, 2012.

19. Gaston E. Process lessons learned in Yemen's national dialogue. Washington: USIP, 2014.

20. Kinninmont J., Sirri O. Bahrain: Civil society and political imagination. Chatham House, 2014. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/20141028BahrainKinninmontSirri.pdf> (accessed: 15.04.2019).

21. Lier F.A. van. National dialogue in Libya: The National Dialogue Preparatory Commission. Berlin: Berghof Foundation, 2017.

22. Lund M., Santiso C. National conferences // Democracy and deep-rooted conflict: Options for negotiators / Ed. by P. Harris, B. Reilly. Stockholm: International IDEA, 1998. P. 252–262.

23. Moritz J. Prospects for national reconciliation in Bahrain. Is it realistic? The Arab Gulf States Institute in Washington, 2015. Available at: <https://agsiw.org>

org/prospects-for-national-reconciliation-in-bahrain-is-it-realistic/ (accessed: 15.04.2019).

24. Paffenholz T., Zachariassen A., Helfer C. What makes or breaks national dialogues? Inclusive Peace & Transition Initiative, 2017. Available at: <https://www.inclusivepeace.org/content/report-what-makes-or-breaks-national-dialogues> (accessed: 15.04.2019).

25. Papagianni K. National dialogue processes in political transition. Civil Society Dialogue Network Discussion Paper No. 3. Centre for Humanitarian Dialogue, 2014.

26. Planta K., Prinz V., Vimalarajah L. Inclusivity in national dialogues guaranteeing social integration or preserving old power hierarchies? Berlin: Berghof Foundation, 2015.

27. Pruitt B., Thomas P. Democratic dialogue: A handbook for practitioners. CIDA, IDEA, OAS, UNDP, 2007.

28. Robinson P.T. The national conference phenomenon in Francophone Africa // Comparative Studies in Society and History. 1994. Vol. 36. No. 3. P. 575–610.

29. Santiso C. National conferences in Francophone Africa // Democracy and deep-rooted conflict: Options for negotiators / Ed. by P. Harris, B. Reilly. Stockholm: International IDEA, 1998. P. 265–272.

30. Schmitz C. Yemen's national dialogue. Middle East Institute Policy Papers Series, 2014. Available at: <https://www.mei.edu/publications/yemens-national-dialogue> (accessed: 15.04.2019).

E.I. Vulakh

NATIONAL DIALOGUE: BAHRAIN CASE

*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka Str, Moscow, 107031*

The all-inclusive interparty negotiations on a national basis aimed at ending an internal conflict, overcoming its consequences and securing conditions for a peaceful development of the society are not by themselves a new phenomenon. At the same time this format, generally referred to as a 'national dialogue', has recently gained a new impetus, particularly in the Asian and African countries, affected by the Arab Awakening. Despite this fact the very definition of a 'national dialogue' remains vague, both scholars and policy practitioners still lack an adequate and precise understanding of its aims, mechanisms and implications. In order to provide a better understanding of the concept of a 'national dialogue', the author summarizes the most widely accepted definitions and considers them by reference to a concrete country case. As such, the author examines the national dialogue initiated by Bahrain's authorities in the face of the Arab Awakening. The author concludes that in its most general sense the national dialogue implies an attempt to unify the efforts of all conflicting parties and actors (both state and non-state) to promote a national consensus on the key issues of

reconciliation. In that context both the key task of and the major challenge to the national dialogue is to ensure maximal inclusiveness. In order to do so a few methodological, as well as purely practical questions need to be addressed: interests of what political forces (groups) must be considered, who is to elaborate the criteria and methods of selecting actual participants of the negotiations, how to assess their real representativeness and legitimacy and so on. It is from this perspective that the paper assesses Bahrain's experience in organizing the national dialogue. The paper describes in detail a preparatory process for negotiations, their key participants, and their progress. The author concludes that though experts traditionally refer to Bahrain's national dialogue as, at best, unsuccessful, its more detailed examination allows to reevaluate some of its aspects. The modest success of negotiations is explained by both subjective (the position of the ruling elites and their political opponents) and objective factors (a highly polarized and conflictual nature of the society). Nevertheless, the dialogue managed to reduce the level of political tension in the country and this experience could prove very useful.

Keyword: National dialogue, inclusivity, post-conflict reconstruction, Bahrain, democratization, the Arab Spring.

About the author: *Elizaveta I. Vulakh* — PhD Candidate, Research Assistant at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: liza.vulakh5@gmail.com).

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2017. Ot 'nesostoyavshikhosya gosudarstv' k 'neustoichivym sostoyaniyam': logika ponyatiinoi ekvilibristiki [From 'failed states' to 'states of fragility': Logic of conceptual acrobatics]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03. (In Russ.)
2. Dolgov B.V. 2017. *Fenomen 'Arabskoi vesny' 2011–2016 gg.: prichiny, razvitie, perspektivy. Tunis, Egipet, Liviya, Siriya, Alzhir* [The phenomenon of the 'Arab spring' 2011–2016: Causes, development, prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, and Algeria]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)
3. Zvyagel'skaya I.D. 2017. Konflikty na Blizhnem Vostoke: tendentsii i igroki [Conflicts in the Middle East: Trends and actors]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 16–24. (In Russ.)
4. Zvyagel'skaya I.D., Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. 2018. *Rossiya na Blizhnem Vostoke: garmoniya polifonii* [Russia in the Middle East: The harmony of polyphony]. Valdai Discussion Club Report. (In Russ.)
5. Kuznetsov V.A. 2018. Problema ukrepleniya gosudarstvennosti na Blizhnem Vostoke v svete teorii sotsial'nykh poryadkov [Strengthening of statehood in the Middle East in the context of the theory of social orders]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 6–2. DOI: 10.7868/S0869190818030019. (In Russ.)
6. Kuznetsov V.A., Zvyagel'skaya I.D. 2015. Problemy gosudarstvennosti na Blizhnem Vostoke [Problems of statehood in the Middle East]. *Svobodnaya mysl'*, no. 4, pp. 18–31. (In Russ.)

7. Melkumyan E.S. 2012. Malye gosudarstva Persidskogo zaliva [Small states of the Gulf]. In Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
8. Naumkin V.V. 2015. Gluboko razdelennye obslhhestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konfliktnost', nasilie, vneshnee vmeshatel'stvo [Deeply divided societies in the Middle East: Conflict, violence, and foreign intervention]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no 1. pp. 66–96. (In Russ.)
9. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A., Sukhov N.V., Zvyagel'skaya I.D. 2016a. *Blizhnii Vostok v epokhu ispytanií: travmy proshlogo i vyzovy budushchego* [The Middle East in the era of trials: Traumas of the past and challenges of the future]. Valdai Discussion Club Report. (In Russ.)
10. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A., Sukhov N.V., Zvyagel'skaya I.D. 2016b. *Blizhnii Vostok: ot konfliktov k stabil'nosti* [Middle East: From conflicts to stability]. Valdai Discussion Club Report. (In Russ.)
11. Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history* [Russ. ed.: Nort D., Uollis Dzh., Vaingast B. 2011. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow, Institut Gaidara Publ.].
12. Arendt H. *On revolution*. London, Penguin books, 1990.
13. Ben Salem M. 2016. The national dialogue, collusive transactions and government legitimacy in Tunisia. *The International Spectator*, vol. 51, no. 1. pp. 99–112. DOI: 10.1080/03932729.2016.1126997.
14. Blunck M., Vimalarajah L., Wils O. et al. 2017. *National dialogue handbook. A guide for practitioners*. Berlin, Berghof Foundation.
15. Dudouet V., Lundström S. 2016. *Post-war political settlements from participatory transition processes to inclusive state-building and governance*. Berlin, Berghof Foundation.
16. Eboussi Boulaga F. 2009. *Les conférences nationales en Afrique noire — Une affaire à suivre*. Karthala. Available at: <http://www.karthala.com/2073-les-conferences-nationales-en-afrique-noire-une-affaire-a-suivre.html> (accessed: 15.04.2019).
17. Fakhro E. 2013. *Bahrain's national dialogue faces a stalemate*. Al Jazeera Center for Studies. Available at: <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2013/10/2013101091036321935.html> (accessed: 15.04.2019).
18. Fattahi L. 2012. Nonviolent action strategy: Lessons from Bahrain's demonstration movement. *Al Nakhlah*. Medford, Tufts University.
19. Gaston E. 2014. *Process lessons learned in Yemen's national dialogue*. Washington, USIP.
20. Kinninmont J., Sirri O. 2014. Bahrain: Civil society and political imagination. Chatham House. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/20141028BahrainKinninmontSirri.pdf> (accessed: 15.04.2019).
21. Lier F.A. van. 2017. *National dialogue in Libya: The National Dialogue Preparatory Commission*. Berlin, Berghof Foundation.
22. Lund M., Santiso C. 1998. National conferences. In Harris P., Reilly B. (eds.). *Democracy and deep-rooted conflict: Options for negotiators*. Stockholm, International IDEA, pp. 252–262.
23. Moritz J. 2015. *Prospects for national reconciliation in Bahrain. Is it realistic?* The Arab Gulf States Institute in Washington. Available at: <https://agsi.w>

org/prospects-for-national-reconciliation-in-bahrain-is-it-realistic/ (accessed: 15.04.2019).

24. Paffenholz T., Zachariassen A., Helfer C. 2017. *What makes or breaks national dialogues?* Inclusive Peace & Transition Initiative. Available at: <https://www.inclusivepeace.org/content/report-what-makes-or-breaks-national-dialogues> (accessed: 15.04.2019).

25. Papagianni K. 2014. *National dialogue processes in political transition*. Civil Society Dialogue Network Discussion Paper No. 3. Centre for Humanitarian Dialogue.

26. Planta K., Prinz V., Vimalarajah L. 2015. *Inclusivity in national dialogues guaranteeing social integration or preserving old power hierarchies?* Berlin, Berghof Foundation.

27. Pruitt B., Thomas P. 2007. *Democratic dialogue: A handbook for practitioners*. CIDA, IDEA, OAS, UNDP.

28. Robinson P.T. 1998. The national conference phenomenon in Francophone Africa. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 36, no. 3, pp. 575–610.

29. Santiso C. 1998. National conferences in Francophone Africa. In Harris P., Reilly B. (eds.). *Democracy and deep-rooted conflict: Options for negotiators*. Stockholm, International IDEA, pp. 265–272.

30. Schmitz C. 2014. *Yemen's national dialogue*. Middle East Institute Policy Papers Series. Available at: <https://www.mei.edu/publications/yemens-national-dialogue> (accessed: 15.04.2019).